

Владимир Горончаровский¹
<https://doi.org/10.26485/AAL/2018/64/11>

ИЗОБРАЖЕНИЕ РИМСКОГО ШЛЕМА НА НАДГРОБНОЙ СТЕЛЕ БАСИЛИДА ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ²

АБСТРАКТ Изучение письменных, изобразительных и археологических источников показывает, что, несмотря на вассальный характер отношений Боспорского царства к Римской империи, это небольшое государство на окраине античного мира лишь в малой степени испытало влияние римской военной машины, главным образом, в отношении организационной структуры и тактики. Отдельные образцы римского оружия и воинской экипировки могли поступать на Боспор, главным образом, в период подготовки совместных военных действий с римской армией. Возможно, какую-то роль в этом отношении играли и местные уроженцы, отслужившие в римских вспомогательных войсках.

Ключевые слова: Боспорское царство, военное дело первых вв. н.э., римское военное снаряжение

ABSTRACT Study of written, pictorial and archaeological sources show that the influence of military machine of the Roman Empire on the Bosporan Kingdom was limited. Its main effect was on the organizational structure and tactics. Some examples of Roman military equipment could have found their way to the Bosphorus during preparations for joint military actions with the Roman army. Maybe local natives, serving in Roman auxiliary units, played some role in this respect also.

Keywords: Bosporan Kingdom, Warfare of the first centuries AD, Roman military equipment

ABSTRAKT Studiowanie źródeł pisemnych, sztuk i archeologicznych pokazuje, że pomimo wasalny charakter stosunków państwa Bosporańskiego do cesarstwa Rzymskiego, to małe państwo na skraju świata starożytnego tylko w niewielkim stopniu badała wpływ rzymskiej maszyny wojennej, głównie w odniesieniu do struktury organizacyjnej i taktyki. Pojedynczy okazy rzymskiej broni i wojskowego sprzętu można zrobić na Bospor, głównie w okresie przygotowania wspólnych działań wojskowych z rzymską armią. Być może jakąś rolę w tym zakresie odgrywały i lokalni mieszkańcy, wysłużony w rzymskich wojskach pomocniczych.

Słowa kluczowe: państwo Bosporańskie, wojskowość w pierwszych wiekach n.e., militaria rzymskie

Известняковое надгробие Василида, сына Василида было найдено в пантикапейском некрополе более ста лет назад, в 1903 г. (Рис. 1). По характеру письма его датировали первой

половиной II в. н.э.³, но архитектурно-декоративное оформление стелы: профилированный фронтон с особой формы акротериями в виде пальметок, три двурядных маховых розетки под ним, глубина проработки рельефа, – находит ближайшие аналогии среди памятников предшествующего столетия. Характерным примером является стела Дафна, сына Психариона (Рис. 2), датирующаяся первой половиной I в. н.э.⁴ В данном случае совпадение по декору полное. Соответственно все его характерные элементы можно рассматривать как особый

¹ Отдел истории античной культуры, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 191186, Россия.

² Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы: № 0184-2018-0007. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

³ Корпус боспорских надписей, № 662.

⁴ Корпус боспорских надписей, № 78.

почерк скульптора, работавшего в одной из пантикапейских мастерских по изготовлению надгробных стел, скорее всего, около середины I в. н.э.

Рис. 1. Надгробная стела Басилида, сына Басилида, из некрополя Пантикапея

Надгробие Басилида публиковалось неоднократно⁵, но одному из представленных на нем предметов вооружения не уделялось должного внимания. Возможность детально рассмотреть стелу на обновленной экспозиции Керченского лапидария, позволяет утверждать, что здесь мы имеем дело с единственным известным на Боспоре изображением римского шлема. В верхней части надгробия изображен стоящий бородатый воин, опирающийся на колонку (Рис. 3).

⁵ Kieseritzky, Watzinger 1909: 87, Nr. 494, taf. XXXV; Матковская 2005: 377, 388, рис. 10; Трейстер 2010: 507, рис. 11.

Рис. 2. Стела Дафна, сына Психариона. 1-я пол. I в. н. э.

Он одет в короткий кафтан, зауженные книзу штаны, заправленные в полусапожки, и длинный плащ. На левом боку длинный меч с трапециевидной формы навершием и бутеролью. Судя по масштабу изображения, в реальном измерении длина клинка вместе с рукоятью должна была составлять не менее 0,8 м. Ножны меча имеют узкую вертикальную скобу для подвешивания. Рядом большой овальный щит, из-за которого видны два копья. Слева от него фигурка слуги со шлемом. Варианты подобной композиции представлены на целом ряде боспорских рельефов, изображающих пеших воинов (Рис. 4). Единственное отличие заключается в том, что в руках у слуги шлем с полусферическим куполом, небольшим козырьком в виде декоративного валика, горизонтальным назатыльником и слегка загнутыми вперед нащечниками (Рис. 5). Ближе всего он к бронзовым имперским галльским шлемам первой половины

I в. н. э.⁶ (Рис. 6). Незначительные отступления от распространенного легионерского типа шлема, скорее всего, говорят о том, что здесь изображен его более дешевый вариант, использовавшийся во вспомогательной пехоте⁷.

Рис. 3. Рельеф в верхней части стелы Басилица

В связи с этим стоит еще раз рассмотреть вопрос о римском военном снаряжении в боспорской армии первых веков н.э. То, что оно использовалось, не вызывает сомнений. Например, у Тацита в описании войны 45-49 гг. н. э. с мятежным царем Митридатом VIII мы находим упоминание об оснащенных им боспорцах⁸. Другое дело насколько широко это практиковалось, и какое отражение нашло в археологических находках и памятниках изобразительного искусства.

Образцов такого характерного римского наступательного вооружения как гладиусы при исследовании боспорских укрепленных пунктов и некрополей было обнаружено всего два. Самый ранний из них связан с упомянутым римско-боспорским конфликтом. Это меч, обнаруженный в ходе раскопок цитадели на городище Артезиан (Рис. 7) всего в 30 км к западу от столицы Боспора, Пантикапея. Судя по найденному здесь большому количеству монет Митридата VIII, в том числе его уникальному золотому старту, крепость, где оставалось много сторонников свергнутого царя, пала после непродолжительного штурма, скорее всего, осенью 47 г. н.э.⁹

Здесь под обгоревшими останками одного из нападавших был найден гладиус с клинком длиной 58,6 см и рукоятью длиной 14 см при ширине лезвия 5,5-7 см¹⁰. Он относится к «классическому» варианту мечей типа «Майнц», датирующемуся временем около 25 г. до н.э.-60 г. н.э.¹¹

Безусловно, заслуживает упоминания гладиус, найденный в некрополе Горгиппии (рис. 8).¹² Размещение его с левой стороны от погребенного не соответствует общепринятой традиции ношения такого оружия у римлян. В то же время отступление от нее у римских солдат зафиксировано Иосифом Флавием для периода Иудейской войны 66-70 гг.: «Пешие воины оснащены панцирями и шлемами и на каждом боку имеют по мечу, из которых более длинный¹³ расположен слева...»¹⁴.

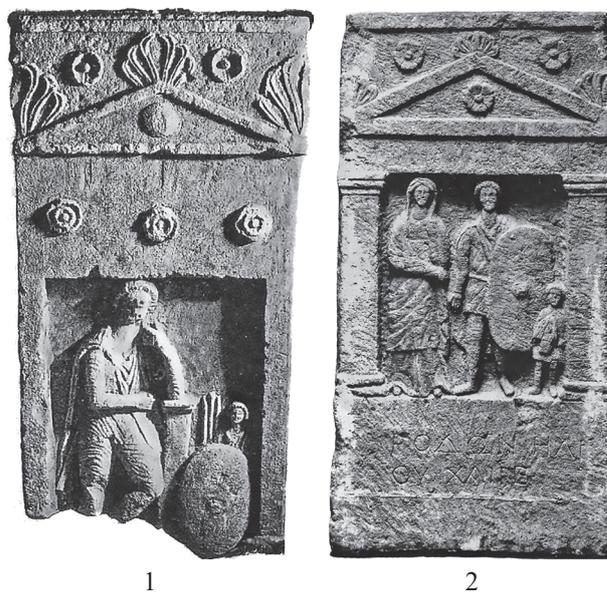

Рис. 4. Боспорские рельефы с изображениями пешеходов: 1 – верхняя часть стелы из коллекции Керченского лапидария; 2 – надгробная стела Родона, сына Гелия. 1-я пол. I в. н. э.

Штырь рукояти гладиуса из Горгиппии, постепенно расширяющийся к основанию клинка, имеет длину 13,8 см. От самой рукояти, изготовленной из дерева, остался фрагмент бронзовой

⁶ д'Амато 2012: 141, илл. 134.

⁷ Connolly 1981: 239.

⁸ Tac. Ann. XII. 16.

⁹ Абрамзон, Винокуров 2016: 732-735.

¹⁰ Винокуров 2009: 12-13.

¹¹ Miks 2007: vortaf. B; C 3.

¹² Горончаровский, Тихонова 2005: 121-124; Виноградов, Горончаровский 2009: 180-181.

¹³ Длинный меч – это гладиус, короткий – кинжал (пугио) с длиной клинка до 35 см.

¹⁴ Jos. Fl. Bell. Jud., III. 5.5.

оковки, зафиксировавший ее ширину – 3 см. Сам клинок практически одинаковой ширины (4-4,4 см) при сохранившейся длине 27,8 см первоначально имел явно большие размеры, не менее 40-55 см. Об этом можно судить по положению скреплявших ножны двух гладких бронзовых скоб с кольцами для подвешивания, расположенными на расстоянии 11,2 см друг от друга. Три сохранившихся кольца имеют внешний диаметр 2,1 см и внутренний – 1,6 см. Общая длина одной из скоб, сохранившейся целиком, составляет 5,4 см, а ширина – 0,8 см. Судя по форме перехода от штыря рукоятки к клинку и его ширине, меч относится к варианту *Putensen-Vimose* так называемого «помпейского» типа, датировка которого достаточно широкая – около 5-225 г. н.э.¹⁵.

Рис. 5. Фигура слуги со шлемом на стеле Басилида

В связи с находками гладиусов на Боспоре нельзя не обратить внимание на известный фрагмент росписи пантикапейского, так называемого Стасовского, склепа 1872 г., датирующегося концом I – началом II вв. н.э.¹⁶. Там представлен на

марше небольшой отряд легковооруженных пехотинцев с плоскими овальными щитами (рис. 9), у которых короткие мечи находятся справа на манер римских гладиусов. Помимо этого римское влияние на военное дело Боспора демонстрирует следующий момент: перед отрядом воинов, помимо командира в шлеме и чешуйчатом панцире шествует знаменосец в таком же защитном вооружении, с *вексиллумом* в руках. Этот войсковой штандарт в виде копья с прикрепленным к перекладине прямоугольным куском материи, выполнявший две основные функции – сакральную и тактическую, – использовались в римских вспомогательных войсках в качестве знака когорты¹⁷.

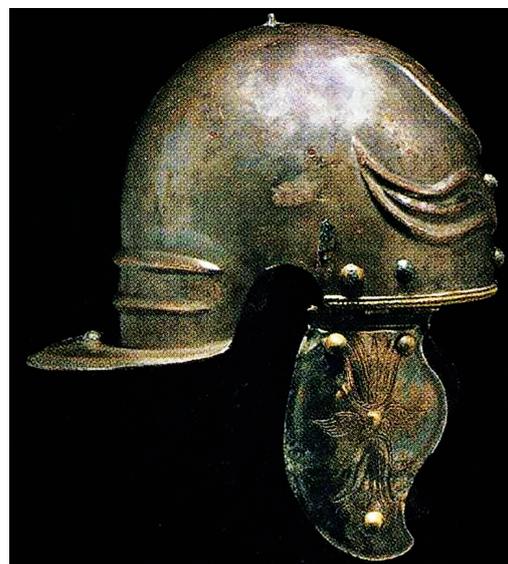

Рис. 6. Бронзовый галльский имперский шлем. I-я пол. I в. н.э. (по Р. д'Амато)

Как известно, уже Митридат VI Евпатор пытался заимствовать совершенную для своего времени тактику римской пехоты, в которой такая структурная единица, как когорта (греч. *στύρα*) обеспечивала быстроту маневра. Из сообщения Аппиана мы знаем, что уже в 69 г. до н.э. в Армении Митридат VI Евпатор распределял лучших воинов «на отряды и когорты почти так же, как италийское войско»¹⁸. Наличие в армии понтийского царя достаточного числа римских перебежчиков¹⁹, способных заняться обучением воинов, вполне позволяло это сделать.

Горончаровский 2009: 213.

¹⁷ Колобов 2001: 38-44.

¹⁸ App. Mithr. 87.

¹⁹ Ср.: App. Mithr. 110.

¹⁵ Miks 2007: vortaf. B; C 9.

¹⁶ Ростовцев 1913: табл. LXXXI, 2; Виноградов,

Неслучайно, отборную часть армии, собранной на Боспоре в 63 г. до н. э. для войны с Римом, составляли шестьдесят отрядов по 600 человек в каждом²⁰. Вряд ли этот опыт был полностью утрачен в первые века н.э.

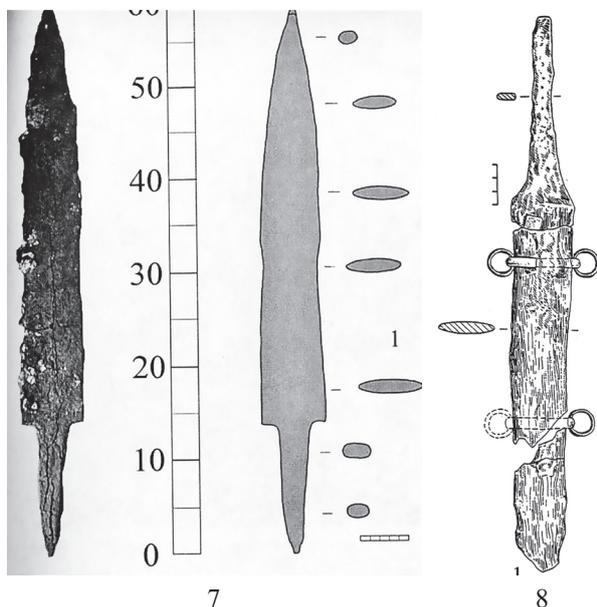

Рис. 7. Гладиус типа «Майнц» из раскопок городища Артезиан (по Н.И. Винокурову)

Рис. 8. Гладиус конца I-II вв. н.э. из раскопок некрополя Горгиппии

О существовании на Боспоре должности спирарха мы знаем из пантикапейской эпитафии некоего Гаттиана²¹, датирующейся временем не позднее I в. до н.э. Как свидетельство наличия в Пантикапее отряда фракийских наемников, организованного по римскому образцу, можно рассматривать грекоязычную эпитафию Диза, сына Бифия (II в. н. э.), где он именуется *κεντυρίων ὁ καὶ πρίνκιψ* фракийской спиры²² (рис. 10). Это аналог латинского *centurio princeps*, как в римских вспомогательных войсках называли старшего центуриона когорты²³. Судя по имени и совместному погребению с женой Еленой, Диз не имел римского гражданства, и прожил на Боспоре довольно длительное время²⁴. Такую точку зрения на *σπεῖρα* *Θρακῶν*,

считая ее боспорским воинским формированием, наиболее последовательно отстаивал В.М. Зубарь²⁵, хотя долгое время считалось, что Фракийская когорта относилась к римским вспомогательным войскам. Как дополнительное указание на ее принадлежность к боспорской армии можно рассматривать упоминание о командовании Фракийской тагмой в энкомии из Пантикапея в честь неизвестного нам по имени крупного государственного и военного деятеля, бывшего воспитателем царя Савромата I²⁶. С. Ю. Сапрыкин, датировав надпись временем правления Савромата I (93/94-123/24)²⁷, пришел к выводу, что «*σπεῖρα* *Θρακῶν* и *Θρακικὸν τάγμα* это не римские, а боспорские воинские единицы». ²⁸ Во всяком случае, отпали имевшиеся сомнения в существовании на Боспоре должности тагматарха²⁹.

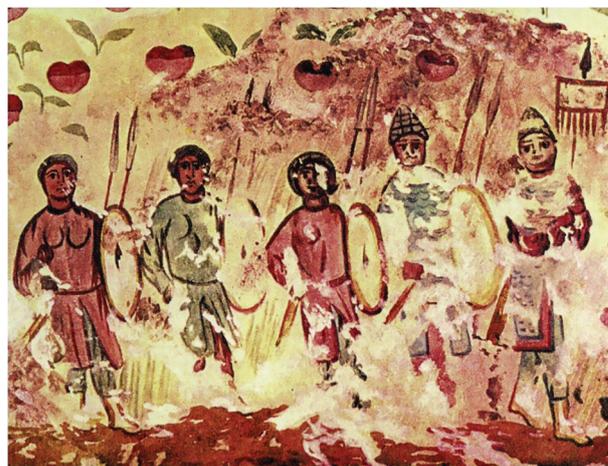

Рис. 9. Боспорские пехотинцы. Фрагмент росписи Стасовского склепа 1872 г.

Большой интерес в этом отношении представляет найденный в 1986 г. боспорский эпиграфический документ из Танаиса, где упоминается *Θρακικὸν τάγμα*. Опубликовавший его А. И. Иванчик считает, что новая надпись не только содержит свидетельство пребывания на Боспоре I Фракийской когорты, как

²⁰ App. Mithr., 108.

²¹ Корпус боспорских надписей, № 263.

²² Корпус боспорских надписей, № 666. Отмеченная фраза переводилась составителями как «центурион и начальник отряда фракийцев».

²³ Ле Бозк 2001: 64.

²⁴ Крыкин 1993: 239.

²⁵ Зубарь 1998: 84-85.

²⁶ Сапрыкин 2005: 45 сл.

²⁷ Эту датировку оспаривают Г. Бауэрсок и К. Джонс, которые привели ряд аргументов в пользу того, что энкомий относится к заключительному этапу царствования Савромата II (173/74-210/11): Bowersock, Jones 2006: 117-128.

²⁸ Сапрыкин 2005: 79.

²⁹ Корпус боспорских надписей, № 1213.

подразделения римской армии, но и позволяет надежно датировать его временем около 230 г.³⁰ К тому же периоду или чуть ранее он относит уже упоминавшуюся надпись Диза и пантикапейский энкомий. Это побуждает еще раз рассмотреть все аргументы за и против возрождения старой гипотезы относительно принадлежности Фракийской когорты, а теперь и тагмы, и времени их пребывания на Боспоре.

Рис. 10. Надгробие Диза, сына Бифия, и его жены Елены. II в. н. э.

В танаисской надписи речь идет о посвящении статуи великого царя царей Савромата, сына царя Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, от имени некоего персонажа, сына Асандра, командира Фракиков *τάγμα* и отряда (строя) гоплитов. Исходной точкой в отношении ее датировки надписи для А. И. Иванчика стала близость ее шрифта и приведенной титулатуры царя с другой надписью из

Танаиса³¹. Правда, обе надписи, вопреки мнению В. В. Латышева и издателей Корпуса боспорских надписей, датируются им не эпохой Савромата I (93/94-123/24), а Савромата III, который был соправителем своего брата Котиса III, т.е. между 229/30 и 231/32 гг.³² На наш взгляд это неоправданно резкое, более чем на сто лет, омоложение ряда памятников боспорской эпиграфики, с учетом достаточно четко прослеженных этапов постепенной эволюции шрифта, вряд ли возможно, а их якобы намеренную архаизацию нельзя подтвердить какими-либо конкретными примерами. Тем более, что в таком случае пышную титулатуру в рассматриваемой надписи следует соотносить с мало известным (лишь по монетам и одной надписи из Западного Прикубанья³³) и ничем не выдающимся царем, в течение всего двух лет выступавшим в роли соправителя Котиса III (227/28-233/34).

Приняв датировку надписи из Танаиса временем Савромата III, А. И. Иванчик пытается обосновать отнесение к данному периоду и пантикапейского энкомия тем, что в обоих случаях упоминается Фракиков *τάγμα* и отряд гоплитов. Далее он сопоставляет Фракиков *τάγμα* со *στείρα* Фракων в надписи Диза и в его понимании эти подразделения практически идентичны. Отсутствие у Диза традиционного *tria nomina* А. И. Иванчик объясняет поздней датировкой надгробия, поскольку отступления от этой нормы нередко наблюдаются в греческих текстах после 212 г., когда права римских граждан были предоставлены всем жителям империи³⁴. Семейное положение Диза с его точки зрения является *terminus post quem* в связи со снятием запрета на заключение брака для легионеров и солдат вспомогательных подразделений в 197 г. Впрочем, дополнительная ссылка на то, что он мог быть peregrinus, в данном случае не работает. Еще В. М. Зубарь по этому поводу справедливо отметил, что «центурионы, периодически возглавлявшие подразделения вспомогательных войск римской армии, были римскими гражданами и командовали такими подразделениями после достаточно продолжительной службы в должности легионных центурионов»³⁵. Характерным примером является начало карьеры будущего императора Пертинакса, который сумел полу-

³⁰ Иванчик 2013: 59-77.

³¹ Корпус боспорских надписей, № 1254.

³² Иванчик 2013: 61.

³³ Корпус боспорских надписей, № 1230.

³⁴ Иванчик 2013: 70-71.

³⁵ Зубарь 1998: 84; см. также: Holder 1980: 82-83, 86-87.

чить должность центуриона только в одном из вспомогательных отрядов³⁶. Таким образом, нет веских оснований утверждать, что Диз был центурионом и командиром вексилляции, отправленной на Боспор из состава римской армии. Справедливо критикуя гипотезу о наборе Фракийской когорты из числа боспорских военных поселенцев фракийского происхождения³⁷, А. И. Иванчик почему-то отнес к числу ее сторонников и меня³⁸, хотя на самом деле я писал о фракийских наемниках, включенных в боспорскую армию, реорганизованную отчасти по римскому образцу³⁹. Якобы существующие у меня сомнения в том, что римские войска вообще могли стоять на Боспоре, на самом деле надуманны.

На вопросе о равнозначности терминов *τάγμα* и *στέρα* стоит остановиться специально. В пантикапейском энкомии, где дается выборочный перечень заслуг высокопоставленного боспорского сановника, своего рода *cursus honorum*, отсчет начинается с хилиархий и золотых знаков отличия. Далее следует командование Фракийской тагмой и «строем гоплитов», которое определяется как «украшающее и премножающее того, кто доверил, и делающее достойным похвалы, того, кто этим доверием пользовался». ⁴⁰ «Тот, кто доверил», безусловно, боспорский царь, который вряд ли мог бы по своему усмотрению раздавать должности в римских вспомогательных войсках на своей территории. Скорее эта фраза предполагает определенную близость к царю и соответственно командование Фракийской тагмой – это более высокий статус, чем быть во главе спира. ⁴¹

³⁶ Махлаюк, Негин 2009: 180

³⁷ Ростовцев 1911: 39; Крыкин 1993: 250-253

³⁸ Иванчик 2013: 66. Видимо, в данном случае была произвольно использована ссылка в: Сапрыкин 2005: 78, прим. 74.

³⁹ Виноградов, Горончаровский 2009: 156

⁴⁰ Сапрыкин 2005: 47.

⁴¹ В данном случае можно вспомнить, что в византийской армии конца VI в., еще сохранявшей позднеантичную систему военной организации, хилиарх “занимает по старшинству второе место в тагме” (Maur. Strat. I. 5). На Боспоре в интересующий нас период, при наличии должности спирарха (КБН № 263), хилиарх, скорее всего, был начальником двух когорт, по численности равнявшихся примерно тысяче воинов. Анализ боспорских надписей показывает, что эта должность была значимой, но лишь как этап в продвижении к более высоким государственным постам (КБН № 36А, 53, 58, 98А, 1049).

Очевидно, Фракийская тагма, входила в состав личной гвардии царя и размещалась в столице, а ее командиру в случае войны могли доверить командование тяжеловооруженной регулярной пехотой. ⁴² Подобную ситуацию для более позднего времени описывает Агафий Миринейский применительно к военным действиям византийской армии весной 556 г. в Лазике, где начальство над всеми войсками было передано армянину Боразу и Фарсанту, командиру “служившей при императорском дворце тагмы колхов” ⁴³. О численности воинов тагмы говорить сложно, но в конечном итоге оно, видимо, определялось объемом отпускавшихся из государственной казны денежных средств. Впрочем, финансовые возможности Боспора, даже в лучшие времена не простирались далее содержания 4 тыс. наемных воинов ⁴⁴.

Рис. 11. Известняковая стела из Пантикапея с изображением сцены возлияния перед храмом

⁴² Показательно, что теперь уже в двух известных случаях сочетаются командование Фракийской тагмой и отрядом гоплитов.

⁴³ Agath. Murr. IV. 13

⁴⁴ Diod. XX. 22; Блаватский 1953: 202 сл.

Рис. 12. Бронзовая матрица для изготовления металлических накладок птериг и оттиск с нее. 1-я пол. I в. н. э.

Боспорские военачальники высокого уровня могли носить «мускульную» кирасу, имитирующую рельеф груди и живота, из-за чего этот доспех иногда называют «анатомическим». В римской армии он полагался командирам, под началом у которых было не менее легиона⁴⁵. Он состоял из двух пластин, соединявшихся сверху наплечниками — эпонидами, и дополнялся снизу передником из кожаных полосок (птериг), спускавшихся до середины бедер. Обычно поверх панциря надевался особый пояс, завязанный так называемым «геракловым узлом». Именно такую кирасу с наплечниками и птеригами, поверх которой накинут плащ, застегнутый на правом плече, а также пояс, мы видим на известняковом пантикапейском рельефе, изображающем совершающего возлияние победоносного полководца (рис. 11)⁴⁶.левой рукой он опирается на копьё, в правой держит широкую плоскую чашу, наклонив ее над небольшим алтарем. Рядом маленькая фигурка богини победы Ники, увенчивающей его венком. Слева в поле рельефа представлена Афродита с Эротом, которой, видимо, и был посвящен пятиколонный ионийский храм, изображенный выше. В отношении кирасы римского образца стоит отметить, что подобные изделия могли производиться непосредственно в Пантикапее, о чем свидетельствует находка на территории Керчи бронзовой матрицы первой половины I в. н. э. для изготовления металлических накладок птериг с фронтальным изображением головы львиноголового грифона⁴⁷ (рис. 12).

В свое время Г. Кизерицкий и К. Ватцингер датировали частично сохранившееся надгробие со сценой возлияния II в. до н.э., и такую датировку до сих пор можно встретить в некоторых публикациях, где оно воспроизводится. Между тем, еще Харко предлагал отнести рельеф к рубежу I-II вв. н.э. или ко II в. н.э.⁴⁸ К этому мнению присоединилась и А. П. Иванова, считавшая, что на стеле воспроизведен храм, воздвигнутый Савроматом I (93-123)⁴⁹. В качестве дополнительного обоснования подобной точки зрения стоит обратить внимание на то, что такой редкий элемент декора, как 6-лепестковые розетки над фронтоном, помимо интересующей нас стелы, имеются на надгробии Деметрия, сына Аполлония, датирующемся I в.н.э. (рис. 13).

Рис. 13. Надгробие Деметрия, сына Аполлония. I в. н.э.

⁴⁵ Vermeule 1959: 49; Vermeule 1968: 41-42.

⁴⁶ Боспорские надгробные рельефы 1990: 65-67, № 57

⁴⁷ Трейстер 1993: 71-73, рис. 7.

⁴⁸ Харко 1950: 203.

⁴⁹ Иванова 1961: 127.

В заключение, можно сказать, что, несмотря на вассальный характер отношений Боспора и Римской империи, влияние ее на военное дело этого небольшого государства на окраине античного мира оказалось не слишком значительным. Главным образом, это коснулось организационной структуры и отчасти тактики боспорской армии. На постоянной основе отдельные элементы римского военного снаряжения, видимо, использовались только таким элитным подразделением как Фракийская тагма, которая, скорее всего, формировалась, по крайней мере первоначально, из наемников определенного этнического происхождения. В этом отношении обращает на себя внимание сообщение Луция Флора о том, что фракийский царь Реметалк, пришедший к власти в 11 г. до н. э. приучил своих подданных «к военным значкам, и к дисциплине, и даже к римскому оружию»⁵⁰. Все же изображения боспорских воинов и археологические данные не позволяют сделать вывод о широком использовании римского оружия и воинской экипировки. Они могли поступать на Боспор, но, видимо, главным образом, в период подготовки совместных военных действий с Римом.

Литература

- Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И. 2016. *Золотые статоры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан*, Вестник древней истории 3, 712-743.
- Амато д' Р. 2012. *Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н. э. - 192 г. н. э.* Москва.
- Блаватский В. Д. 1953. *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва.
- Боспорские надгробные рельефы* 1990. Каталог выставки. Ленинград.
- Винокуров Н. И. 2009. *Боспоро-римская война и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье*, ParaBellum 31, 9-16.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. 2009. *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. - середина III в. н.э.)*. Санкт-Петербург.
- Горончаровский В. А., Тихонова Т. С. 2005. *Римский гладиус из раскопок некрополя Горгиптии, Херсонесский сборник XIV*, 121-124.
- Зубарь В. М. 1998. *Северный Понт и Римская империя*. Киев.
- Иванова А. П. 1961. *Скульптура и живопись Боспора*. Киев.
- Иванчик А. И. 2013. *Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре*, Вестник древней истории 1, 59-77.
- Колобов А. В. 2001. *Штандарты римской армии эпохи принципата*, Проблемы истории, философии, культуры X, 38-44.
- Крыкин С. М. 1993. *Фракийцы в античном Северном Причерноморье*. Москва.
- Ле Бок Я. 2001. *Римская армия эпохи ранней империи*. Москва.
- Матковская Т. А. 2005. *Памятники боспорянам-защитникам Отечества (по материалам Керченского лапидария)*, Боспорские исследования IX, 374-392.
- Махлаюк А. В., Негин А. Е. 2009. *Римские легионы в бою*. Москва.
- Ростовцев М. И. 1911. *Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре*, Известия Императорской археологической комиссии 40, 1-42.
- Ростовцев М. И. 1913-1914. *Античная декоративная живопись на юге России*. Санкт-Петербург.
- Сапрыкин С. Ю. 2005. *Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I - начале II в. н.э.*, Вестник древней истории 2, 45-81.
- Трейстер М. Ю. 1993. *Римляне в Пантикапее*, Вестник древней истории 2, 51-73.
- Трейстер М. Ю. 2010. *Оружие сарматского типа на Боспоре в I-II вв. н.э.*, Древности Боспора 14, 484-561.
- Харко Л. П. 1950. *О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах*, Вестник древней истории 1, 197-205.
- Bowersock G. W., Jones C. P. 2006. *A New Inscription from Panticapaeum*, Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 156, 117-128.
- Connolly P. 1981. *Greece and Rome at War*. London.
- Holder P. A. 1980. *Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augusto to Trajan*. British Archaeological Report Int. Ser. 70.
- Kieseritzky G., Watzinger C. 1909. *Griechische Grabreliefs aus Südrussland*. Berlin.
- Miks C. 2007. *Studien zur römischen Schwertbewaffung in der Kaiserzeit. Katalog und Tafeln*, Kölner Studien zur archäologie der Römischen Provinzen 8.

⁵⁰ Flor. II. XXVII. 17. В конце I в. до н.э. отряды фракийских наемников могли использоваться далеко за пределами их родины. Например, на погребении иудейского царя Ирода Великого (40-4 гг. до н.э.) в траурном шествии «сперва шли копьеносцы, затем отряды фракийцев, германцев и галлов», а затем уже все остальное войско (Jos. Fl. Ant. Jud. XVII, 8, 3).

Vermeule C. 1959. *Hellenistic and Roman Cuirassed Statues*, Berytes XIII, 5-50.

Vermeule C. 1968. *Roman Imperial Art in Greece and Asia Minor*. Cambridge.

Владимир Горончаровский
Институт истории материальной
культуры РАН
goronvladimir@yandex.ru